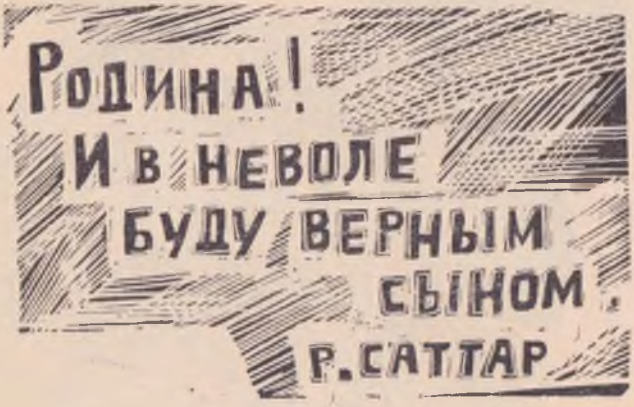
ТРИ ПОЭТА -ВОИНА


Родина!
И в неволе
буду верным
сыном.
Р. Саттар

РАХИМ САТТАР

1912—1943 (!)

Абдерахим Сулейманович Абдельсаттаров (Рахим Саттар). родился 15 августа 1912 года в деревне Нижний Хазят Чишминского района Башкирии. Учился в сельском мектебе, позднее в школах Уфы. В 1933—1937 годах служил в кавалерийских частях, окончил школу младших командиров. В конце тридцатых годов работал в редакции татарской молодежной газеты в Казани и выступал в печати со статьями, заметками, корреспонденциями. Участвовал добровольцем в войне с белофиннами, был командиром отделения в лыжном эскадроне. В предвоенные годы работал инструктором Областного комитета комсомола.

В первые же месяцы Великой Отечественной войны ушел на фронт. В составе десантных частей принимал участие в боевых операциях в тылу врага. 27 мая 1942 года попал в плен. В лагере Вустрау встретился с А. Алишем и вошел в состав подпольной организации Мусы Джалиля. В мае 1943 года бежал из лагеря в составе группы из пяти человек. Дальнейшая судьба группы неизвестна — очевидно, весь ее состав погиб в стычке с гитлеровцами.

ЗА ТЕБЯ, РОДИНА

На востоке стрелы золотые
Солнце посылает в небеса.
Горы — как колчаны расписные,
И все громче птичьи голоса.
Вдаль гляжу и вижу, как по речке
Белая лебедушка плывет.
Подплывает к старому крылечку,
В этом доме мать моя живет...
Сверстники мои в огне сражений.
Где же я? В неволе я, в плену.
Родина! В тревожных сновиденьях
Вижу лишь тебя, тебя одну.
И в неволе буду верным сыном.
Родина! Тоскуя и любя,
Брошу вызов черному Берлину,
Кровь отдам до капли за тебя.

ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Природа спокойна была и богата,
И песня звучала прекрасной зари.
Там первую песню пропел я когда-то,
Березки просили меня: «Повтори...»
Вся жизнь была песней-отрадой когда-то,
Как жаль, что окрепнуть она не смогла.
Вновь станет природа спокойной, богатой,
Но песню на взлете война прервала.

ПИСЬМО К МАТЕРИ

В радости, мама, мы были вместе.
Беда у меня, но ты далеко.
Я одинок, и мне нелегко.
Ты мне говорила о жизни, о чести...
Слова твои святы. Скажу я тебе:
Они для меня — как знамя в борьбе.
Высохли слезы твои давно,
Что ты на рубашку мою пролила,
Но жгут они сердце... Мне не дано
Бедой поделиться с тобою, но
Исполню наказ, что ты мне дала.
Знаю, мечтаешь: вернется сынок,
И напеку я оладий, блинов,
И, каравай прижимая к груди,
Толстых ломтей я нарежу для сына...
Мама, не надо, лучше не жди.
Путь еще долог, я на чужбине,
Масло растает, что ты припасла,
Может случиться — напрасно ждала.
Может случиться... Вернусь не вернусь,
Знаю одно — с пути не собьюсь.

ПЛЕННЫЕ

Когда в вечернем небе тают
Последние лучи зари,
С работы пленные шагают,
Недавние богатыри.
Бредут, не глядя друг на друга,
Вздымая пыль чужих дорог.
Шак-шок...— стучат колодки глухо.
Шак-шок... Шак-шок...
Согнали их со всей Европы,
Бредут они за шагом шаг
В штанах дырявых, грязных робах,
Шак-шок... Шок-шак...
Пестрят заплатами мундиры,
Стеклись, слились в один поток
Здесь формы многих армий мира.
Шак-шок... Шак-шок...
Уже видны бараки, трубы.
В закатных светятся лучах
Колючей проволоки зубы...
Шак-шок... Шок-шак...
Уныло движется колонна,
А в стороне — к дубку дубок.
Тревожно, глухо стонут кроны.
Шак-шок... Шак-шок...

ДУМЫ

Улицы берлинские...
Серые дома.
Серая, огромная,
Душная тюрьма.
Коридоры-улицы
Города-тюрьмы.
Фонари бессильны
Против серой тьмы...

Смотрю в заплаканное окно,
Вижу желтых, смешных гусят.
Потеряли гусыню, пищат...
Это было давно-давно.
...Мы играем на теплой земле,
Что нам делать, как не играть.
Хорошо нам в родном селе.
— Эй, гусята! — зовет нас мать.
Мы играем, растет стена,
Из речного песка она.
И колодец готов почти...
День кончается, очень жаль.
Стынет ужин, надо идти.
Ночь, как мягкая, черная шаль,
Опускается на село.
Под шубейкой лежу, тепло.

Засыпаю, но странный звук
В тишине раздается вдруг.
Этот звук не дает уснуть,
Наполняет тревогой грудь...
Это плакал гусенок-глупыш,
Он, наверно, забрел в камыш.
Тишина. Надо спать, ничего,
Отыскала гусыня его...
Утром снова мы собрались
И опять за колодец взялись.
А потом такая напасть...
Тот малыш, потерявший мать,
Кверху лапками мертвый лежал.
Он с обрыва речного упал.
...Столько лет эта боль во мне.
Я в заплаканном вижу окне
Тех гусят. Я любил их пасти,
Одного не сумел спасти.

Свет в заплаканном вижу окне,
Закипают мысли в мозгу
О любимой родной стране,
Я не думать о ней не могу.
Мысли — словно горный поток,
На волну набегает волна.
Ты, Отчизна, на свете одна,
Без тебя я бы жить не смог.
Я сквозь слезы в окно смотрю.
«Успокойся,— себе говорю.—
Верь, увидишь Родину-мать».
Только с думами не совладать.
На бумагу я выплесну их,
Пусть они отольются в стих.

Серые туманы,
Серые дома,
Серые ограды,
Город-тюрьма.

♦

Чем ты дальше, отчий край,
Тем ты ближе и милее.
Нет на свете доли злее,
Чем сказать тебе: «Прощай!»

♦

Такой уж выпал жребий мне:
Как перелетной птице,
Лететь, лететь и приземлиться
В чужой, немилой стороне.

♦

Сегодня здесь ты, завтра — далеко.
Идешь вперед сквозь яростные грозы...
Не ведал я, как будет нелегко
Лить на чужбине горестные слезы.

КЛЯТВА

На каменьях блока «Ост»,
в неволе,
под дождями рабства,
не в бою,
я негромко, почернев от боли,
эту клятву Родине даю.
Мы разрушим этот ад,
разрушим!
Ненависть моя живет молчком,
ненависть моя в патроне
русском
дремлет мягким теплым
порошком.
Вы еще увидите, арийцы,
как она вам, подводя итог,
благодарно каждому
в петлицу
всунет нежный, огненный
цветок!..